

УДК 314.1(497.15)"1890"
39(=163.41)(497.15)
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.pah.201-213>

Лидия Юрьевна ПАХОМОВА, к.и.н.
Институт славяноведения Российской академии наук
lydia.pakhomova@gmail.com

др Лидија Јурјевна ПАХОМОВА
Институт за словенске студије Руске академије наука

**Сербское население Боснии и Герцеговины в работах
этнографов (1890-е гг.)
Српско становништво Босне и Херцеговине у радовима
етнографа током 1890-их**

Период австро-венгерской оккупации в истории Боснии и Герцеговины характеризуется углублением старых проблем и возникновением новых. Трудности инкорпорации окраины в империю были прогнозируемы: Османской империи в последние 50 лет подавлять протесты в Боснийском вилайете. Австро-Венгрия также силой оружия успокоила мятежный вилайет в 1878 и 1882 годах. Но, действуя энергичнее и активнее, вкладывая больше денег, дуалистическая монархия создала благоприятные условия для развития инфраструктуры, промышленности, отраслей сельского хозяйства и культуры.

В историографии существует множество работ, посвященных австро-венгерской модернизационной политике в Боснии и Герцеговине в 1878–1914 гг., например: П. Шугара „Индустриализация Боснии-Герцеговины. 1878–1918“;¹ Р. Дони „Ислам под двуглавым орлом: мусульмане Боснии и Герцеговины в 1878–1914 гг.“;² Д. Юзбашича „Языковая политика австро-венгерского правительства и национальные отношения в боснийско-герцеговинском саборе и языковой вопрос (1910–1914)“;³ З. Шехича „На смерть за императора и отечество! Боснийцы и герцеговинцы в военной организации

1 Sugar P. F., *Industrialization of Bosnia-Herzegovina. 1878–1918*, Seattle 1963.

2 Donia R. J., *Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Herzegovina, 1878–1914*, New York 1981.

3 Juzbašić D., *Nacionalno-politički odnosi u bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914)*, Sarajevo 1999.

Габсбургской монархии в 1878–1918 гг.”⁴ А. Касумович „Австро-венгерская торговая политика в Боснии и Герцеговине в 1878–1914 гг.”⁵, Г. Грюнерта „Верить в хинтерлянде. Сербо-православные в габсбургской Герцеговине в 1878–1918”⁶, и т. д.

Однако, концентрируясь на правительственных мерах и привлекая в качестве источника документы Общеимперского министерства финансов Габсбургской монархии, историки редко обращаются к восприятию населением австро-венгерского управления, к человеку в условиях модернизации. Для исследования этого вопроса целесообразно обратиться к исторической антропологии, методологии которой, в том числе, применяли Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин.

Целью настоящей статьи является рассмотреть положение сербского (православного) населения Боснии и Герцеговины под австро-венгерским управлением, при этом использовать в качестве источника путевые заметки журналистов и ученых. Как показала М. Тодорова, трэвелогии имеют важное значение в „воображении Балкан“ и сыграли роль в таких этапах, как открытие Балкан, их изобретение и классификация.⁷ Свидетельства русских путешественников о балканских народах в первой половине XIX века собрал и прокомментировал М.В. Белов.⁸ Что касается собственно Боснии и Герцеговины, путевые заметки об османской Боснии, написанные первым русским консулом А.Ф. Гильфердингом, проанализировала в своей работе К.В. Мельчакова.⁹ В историографии также существуют монографии, в которых специально изучаются путевые заметки о Боснии: например, Н. Бербер написала монографию о путешествиях британцев.¹⁰

4 Šehić Z., *U smrt za cara i domovinu!: Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji u Habsburške Monarhije. 1878–1918*, Sarajevo 2007.

5 Kasumović A., *Austrougarska trgovinska politika u Bosni i Hercegovini 1878–1914*, Sarajevo 2016.

6 Grunert H., *Glauben im Hinterland. Die Serbisch-Orthodoxen in der habsburgischen Herzegowina 1878–1918*, Göttingen 2016.

7 Todorova M., *Imagining the Balkans*, New York; Oxford 1997.

8 *Открытие „братьев-славян“: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века*, сост., коммент., предисловие М. В. Белов, Санкт-Петербург 2018.

9 Мельчакова К. В., *Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг.*, Москва 2019.

10 Berber N., *Unveiling Bosnia-Herzegovina in British Travel Literature (1844-1912)*, Pisa 2010.

Путевые заметки о первом годе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины оставил журналист и этнограф П.А. Ровинский.¹¹ Габсбургская монархия начала систематическое изучение края и открыла Областной музей и Балканский институт. В исследования были вовлечены историки Чиро Трухелка, Константин Херманн, Лайош Талоци и другие. Хотя С. Терзич назвал изучение Боснии и Герцеговины в австро-венгерское время „научной пропагандой“, нельзя не отметить, что те ученые внесли большой вклад в изучение истории края.¹²

Чтобы показать и популяризировать предварительные итоги своего управления, в 1890-е годы австро-венгерские власти стали приглашать журналистов, ученых, путешественников. Так, в 1893 году была организована поездка группы журналистов из изданий Times, Le Figaro, Le Temps и т.д. По итогам этой поездки, в том числе, была издана книга берлинского журналиста Генриха Реннера.¹³ Он уже был знаком с Боснией и Герцеговиной: в 1878 г. Реннер сопровождал австро-венгерский оккупационный корпус фельдмаршала Й. Филиповича в качестве военного репортера.¹⁴ В 1897 году вышла книга „Уходящий турок“,¹⁵ написанная знаменитым путешественником Гарри Томсоном, побывавшим в других турецких провинциях, Родезии, Индии, Китае.

В 1894 году правительство организовало в Сараеве конгресс антропологов и археологов. В Боснии велись и полевые исследования. Их результатами, в частности, были работы двух специалистов по Средней Азии, французского этнографа Гийома Капу,¹⁶ а также кни-

---

11 Пахомова Л. Ю., „Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины“, *Славянский мир в третьем тысячелетии. Вып. 12. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*, отв. ред. Е. С. Узенева, Москва 2017, 184-192.

12 Терзић С., „Проект „аустроугарског Балкана“ у Босни и Херцеговини (О идеолошким основама научних истраживања и научне пропаганде)“, *Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Међународни научни скуп 13–15. децембар 1994.*, ур. С. Терзић, Београд; Нови Сад 1995, 407-423.

13 Renner H., *Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer*, Berlin 1897.

14 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, Paris 1896, 56.

15 Thomson H. C., *The Outgoing Turk*, London 1897.

16 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, Paris 1896.

га его российского коллеги Алексея Николаевича Харузина.¹⁷ Каждый из них внес большой вклад в становление этнографии как науки.

В настоящей статье мы рассмотрим работы этих ученых, показывающие интерес мировой науки к Боснии и Герцеговины и изучение провинции с помощью научного инструментария. Их „оптика“ отличается от журналистской: если журналисты упрощают картину, концентрируют внимание на местных достопримечательностях и их истории, а книги больше похожи на путеводители, то ученые достаточно подробно описывают историю края, дают объяснения своим свидетельствам, в их распоряжении были не только статистические данные, собранные правительством, но и новейшие исследования их коллег-историков. Наблюдения этнографов оказываются гораздо глубже, чем просто описания достопримечательностей и красот Боснии и Герцеговины.

Гийом Капу (1857–1931) совершил поездку в 1895 году по заданию французского министерства народного просвещения. Вместе с известным исследователем Средней Азии и Тибета Габриелем Бонвало Капу в 1882 г. совершил путешествие в российский Туркестан. В последующие годы он ездил по Персии, Афганистану, Памиру и Кашмиру. По итогам путешествий Капу опубликовал несколько книг. После Боснии и Герцеговины он посетил Индокитай и занялся колониальными исследованиями; в 1922 году основал Академию колониальных наук.

Алексей Николаевич Харузин (1864–1932) ездил в Боснию и Герцеговину в 1899 году, его командировало Императорское Русское географическое общество. А.Н. Харузин был этнографом, обладающим большим опытом по изучению народов Средней Азии, и государственным чиновником, работающим в национальных окраинах Российской империи: он был чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе, секретарем крестьянской комиссии и губернского статистического комитета. А.Н. Харузин вместе со своей сестрой Верой Николаевной посетил и Австрийскую Крайну, которую населяли словенцы. Его работа на западе Российской империи позволила ему оценить и усилия австрийской администрации. После поездок в габсбургские провинции Харузин был назначен управляющим канцелярией виленского генерал-губернатора, затем губернатором Бессарабии.

---

17 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, Санкт-Петербург 1901.

Таким образом, путешествия Г. Капу и А.Н. Харузина имели целью изучить опыт австро-венгерского управления окраинами и всесторонне проанализировать процесс инкорпорации регионов с мусульманским элементом в европейскую империю.

В своих книгах, кроме высших чиновников оккупационного правительства, оба этнографа отмечали помощь дипломатов, работавших в Сараеве, особенно русского консула Густава Викторовича Игельстрома (Игельстрёма), работавшего там с 1893 по 1914 год.

Путевые заметки этого времени, как правило, снабжены фотографиями, снятыми путешественником Угом Крафтом, антропологом Рене Верно, а также различными гравюрами. В книге Харузина нет никаких иллюстраций, кроме одной карты.

Обе рассматриваемые работы – Капу и Харузина – очень похожи по структуре: следуя по маршруту, рассказывая о достопримечательностях, авторы подробно останавливаются на истории, описывают людей, их занятия. Капу и Харузин пытаются осветить как можно больше сторон жизни Боснии-Герцеговины. На стиль и изложение каждого путешественника накладывается его опыт, знания и ценности страны происхождения. Например, французский ученый довольно подробно останавливается на виноделии: сортах винограда, процесса ферментации, или на создании системы здравоохранения и т.д. Кроме того, работа Капу содержит больше информации об обычаях, одежде, культуре и т. д. Русский ученый детально останавливается на истории Боснии и Герцеговины от римской эпохи до австро-венгерского периода, с большим экскурсом в средневековое прошлое края. Необходимо отметить, что Харузин много уделяет внимания православному населению, их деятельности, чертам характера их представителей.

Прежде всего путешественников интересует деятельность австро-венгерского правительства. Ученые в первую очередь позитивно отзываются о строительстве дорог и мостов. А.Н. Харузин с восхищением писал о системе организации транспорта, называя шоссейные дороги произведением инженерной техники: „дороги, прекрасно шоссированные, с большим искусством проведены по горным местностям, через реки смело переброшены мосты, в скалах пробиты туннели. Содержатся дороги идеально.“¹⁸ Однако Харузин отметил, что „культурное состояние Боснии-Герцеговины и по сие время

---

18 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 54-55.

таково, что местное население (...) не нуждается в шоссированных дорогах, настоящая эксплуатация их – дело будущего (...) Население соответственно своему культурному уровню, предпочитает горные тропы.¹⁹ Харузин увидел, что железными дорогами пользуются мало,²⁰ тем не менее, по свидетельству французского ученого, жители провинции охотно пользовались железными дорогами.²¹ На станциях и вокзалах можно было встретить самых разных людей: группу загорелых крестьян, носивших на голове красный тюрбан райя; счастливого рыбака; продавца обуви-опанков; грязного священника, беседовавшего с сербским денди, одетым в городской костюм; мусульман-учащихся с учителем-ходжей; австрийских военных.²²

Посещение горнодобывающих, лесозаготовительных и других предприятий было обязательным пунктом программы поездок, совершаемых иностранцами. Путешественники, приводя статистические данные, описывают состояние промышленности. По мнению П. Шугара, отсутствие в аграрной стране органа по урегулированию земельных отношений свидетельствовало о приоритетности развития сырьевых отраслей.²³ План общеимперского министра финансов Б. Каллаи предусматривал активное освоение полезных ископаемых, которыми была богата Босния-Герцеговина.

Интересно наблюдение француза о происходивших тогда изменениях в трудовых отношениях в связи с индустриализацией. Капу особо подчеркивает, что постепенно улучшаются условия труда. Так, если в угледобывающем Креке раньше рабочий лагерь был под открытым небом у костра, то в 1890 г. правительство построило рабочий городок.²⁴ Женщины и дети, исключительно сербы, стали работать на фабриках, в первую очередь на ткацких. При этом мужчины-сербы там почти не трудились, а работали большей частью мусульмане.²⁵ На табачных фабриках наблюдалась такая же ситуация: работали мусульмане-мужчины и сербские женщины.²⁶

При всей положительной оценке политики властей, Гийом Капу и Алексей Харузин не могли не заметить трудности, которые

19 Ibid, 55.

20 Ibid, 58.

21 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 30.

22 Ibid, 72–73.

23 Sugar P. F., *Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878-1918*, Seattle 1963, 27.

24 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 46–47.

25 Ibid, 167–168.

26 Ibid, 174.

модернизация приносила местным жителям. Капу и Харузин с большим сожалением отмечали, что простые по форме, но более дешевые товары заводов и фабрик Австро-Венгрии вытесняли с рынка высокохудожественные изделия из кожи, меди, железа, дерева — ножи, кинжалы, сабли, обувь и т.д. — которыми славились боснийские мастера. Политика индустриального развития, которую проводили общеимперское министерство финансов и оккупационное правительство, действовала разрушающе на ремесленничество.²⁷

Из того, как много уделяется внимания, видно, что и Капу, и Харузин главными вопросами считали аграрные отношения и образовательную систему. В провинции, где крестьяне составляли подавляющее большинство населения, решение земельного вопроса было весьма важной задачей. Оба исследователя видят как положительные, так и отрицательные черты австро-венгерской аграрной политики. Особенно детально разобрал правительственные меры Харузин, который изучал земельные отношения и разрабатывал механизмы их решения в Эстляндской губернии Российской империи. По мнению исследователей, продолжая выполнять османскую Саферскую наредбу 1859 года и давая возможность постепенного выкупа земель кметами, общеимперское министерство финансов было право. Харузин отмечает, что местное правительство ежегодно расходовало весьма крупные суммы на сельскохозяйственный сектор, хотя казне это не приносило доходов, а, напротив, было только в убыток.²⁸ Для русского ученого особенно было интересно, что в провинции устроены четыре сельскохозяйственные, три фруктово-виноградные станции, 16 образцовых крестьянских хозяйств. Было организовано ветеринарное дело, основаны конюшни для улучшения породы лошадей.²⁹ Интересно, что Харузин в своей книге не упоминает задругу и ее роль в социально-экономической жизни Боснии и Герцеговины, тогда как Капу посвящает описанию задружной системы место в своей книге.

Много нареканий вызвала у обоих путешественников система налогообложения. Часто не справляясь с своевременной выплатой

27 Вяземская Е. К., „Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в.“, В „пороховом погребке Европы“. 1878-1914 гг., Москва 2003, 334-335.

28 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 218.

29 Ibid, 217-218.

налогов, крестьяне становились жертвами ростовщиков. Особенно заметным для ученых было бедственное положение сербских крестьян. Следовательно, подчеркивают ученые, поскольку большая часть крестьян была православного вероисповедания, аграрные, то есть социально-экономические отношения, тесно переплетались с религиозной проблемой, и почти любой спор превращался в религиозный.

Указывая на разногласия, Капу считает австро-венгерские власти веротерпимыми, особенно что касается праздников, выходных и календарей: мусульмане празднуют пятницу, евреи – субботу, католики – воскресенье; в провинции использовались и грегорианский, и юлианский календари.³⁰ Еще одним примером религиозной толерантности француз называет передачу мэром Сараева Мехмед-бегом Капетановичем Любушаком своей земли на строительство православной церкви.³¹ Ежедневным доказательством толерантности Капу считал обучение детей разных религий в созданных правительством интерконфессиональных школах, которые находятся на том же уровне, что и современные европейские учебные заведения.³² Так как французского этнографа командировало министерство народного просвещения, он весьма подробно разбирает образовательную систему: состояние школ в османский период, финансирование австро-венгерскими властями, бюджет, строительство новых зданий, типы школ, изучаемые предметы и т. д. В итоге Капу однозначно позитивно оценивает развитие школ в Боснии и Герцеговине.

Харузин был в целом согласен со своим французским коллегой и писал, что теоретически правительственная программа по открытию интерконфессиональных школ совершенно правильна. Однако, приехав в разгар борьбы сербов за церковно-школьную автономию, он стал свидетелем того, как Австро-Венгрия разрушает самоорганизацию сербов. Православные сами создавали школы, собирали на них деньги, поэтому естественно, что они с трепетом относились к результатам своего труда. Харузина восхищает эта самостоятельность сербских общин и их борьба за право самим выбирать священников. Особенно раздражает ученого то, что власти запретили употребление слов „серб“ и „сербский“ применительно к православному населению. Поэтому Харузин полагал, что именно правительство не терпимо к православным. Они в свою очередь с подозрени-

---

30 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 129.

31 Ibid, 132.

32 Ibid, 152.

ем относились к образованию в интерконфессиональных школах и старались отправлять своих детей учиться в православные страны – в Черногорию, Сербию, Россию.

Хотя Капу и увидел общность, присущую жителям провинции, назвав католиков, мусульман и православных братьями и сестрами, однако три разные конфессии разделили эти три группы с разными политическими стремлениями, таким образом они стали сербами, хорватами и турками (или турчинами). Кроме вероисповедания, по мнению Капу, на формирование национальностей также повлиял социально-экономический фактор: мусульмане, будучи землевладельцами, обладали правами, у христиан – не было ни земли, ни прав.³³

При том, что Харузин считал вероисповедание немаловажным фактором, он призывал не абсолютизировать его.³⁴ Идею боснийской нации, которую пытался продвигать Б. Каллаи, российский ученый не поддерживал, считая ее противодействием сербской народности. По мнению Харузина, австро-венгерское правительство доказывало оформление политической нации на основе результатов исторических, этнографических, археологических, антропологических исследований, а также языка и национального самосознания.³⁵ Русский этнограф полагал, что сербы и хорваты начали разделяться еще в X в., когда церковные службы стали проводиться на славянском языке.³⁶ Окончательное разделение народностей, по мнению Харузина, можно отнести к XII – началу XIII века, к периоду после раскола христианской церкви.³⁷ Еще одним признаком принадлежности к сербской, или православной, народности, ученый считает кириллический шрифт, тогда как хорватская, или католическая, народность использует латиницу.³⁸ Что касается ислама, то оба ученых сходятся во мнении, что жители Боснии и Герцеговины приняли его в первую очередь из-за социальных и экономических привилегий,³⁹ хотя Храузин и не исключает искренние чувства новых приверженцев ислама.⁴⁰

---

33 Ibid, 115.

34 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 38.

35 Ibid, 37-38.

36 Ibid, 231.

37 Ibid, 232, 241-242.

38 Ibid, 49.

39 Ibid, 247-248; Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 119.

40 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 246.

Путешественники для повествования нечасто разделяют жителей оккупированной провинции на группы, в основном говоря обо всех боснийцах-герцеговинцах. Однако интересно, что французский путешественник использует название „югославы“ – так же, как оно использовалось по отношению к жителям Югославии. Рассказывая о сербах, Капу называет их православными или берет слово „серб“ в кавычки, или использует обозначение „югослав“. Харузин называет представителей сербского населения либо православными, либо сербами. Однако русский ученый отмечает, что в Боснии и Герцеговине среди учащейся молодежи можно было встретить „лиц, именующих себя в разговоре с сербом соседних стран “босняками” и показывающих не без ударения, что они не “братья” сербам, а принадлежат к народности особого рода“.⁴¹

Ценнейшим источником информации для изучения местного населения этнографы считали базар (чаршию), где можно встретить самых разных людей со всей Боснии-Герцеговины. Оба ученых много внимания уделяют внешности, отдавая дань развивающейся в то время физической антропологии. Например, измерив в Чайнице, Фоче, Фойнице, Рогатице, пригороде Сараева, Високо и Вышеграде рост 772 человек, из которых 350 мусульман, 305 православных, 118 католиков и шесть евреев, Капу пришел к выводу, что средний рост у мусульман 1 м 711 мм, у православных – 1 м 713 мм, у католиков – 1 м 706 мм.⁴² То, что жители оккупированных областей в среднем имели высокий рост, показывает и А.Н. Харузин, приводя различия в облике боснийцев и герцеговинцев, объясняя это долголетней жизнью в разных природных условиях: „Босняк деревни более тяжеловесен, чем герцеговинец, но горожанин Боснии более элегантен; герцеговинец суровее босняка, у которого больше мягкости в обращении.“⁴³ Кроме того, этнографы подробно описывают костюмы и украшения, особенно женские, поскольку они были намного красочнее и разнообразнее мужской одежды. Не меньше интересует ученых быт – культура кофе, табака, сливовицы, а также развлечения, обычаи, праздники, фольклор. Капу, например, описывает наиболее распространенный амулет – записи, в которых начертаны тайные, шифрованные слова: это могут быть религиозные фразы в

41 Ibid, 35.

42 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 89.

43 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 62.

квадратах или крестах, изречения из священних книг разных религий. Причем эти записки были, как утверждает Капу, у христиан и мусульман. Православные и католические священники легко умели расшифровывать эти записи.⁴⁴ По наблюдению Капу, если прийти в гости к боснийцам, вне зависимости от достатка хозяев дома, всегда очень быстро подают кофе.⁴⁵ Со ссылкой на работы К. Херманна французский этнограф много пишет о музыкальной культуре, в том числе приводит слова и ноты песен. Простое пение (видимо, без музыкального сопровождения) было свойственно детям, девушкам, юношам и молодым женщинам. Гусли использовали при воспроизведении эпических или лирических произведений мужчины, и христиане, и мусульмане.⁴⁶

Весьма ценны замечания этнографов о реакции местных жителей на изменения в повседневной жизни. По наблюдениям ученых, крестьяне избегали нововведений, даже в том, что, казалось бы, шло и им на пользу, например, что касалось дорог. Харузин заметил, что несмотря на то, что многие боснийцы-герцеговинцы стали одеваться в европейском стиле, немало людей по-прежнему отдавало предпочтение традиционной одежде, которая мало отличалась у представителей разных религий.⁴⁷ Капу приводит рассказ барона Питнера, главы местной администрации в Ливно: когда привезли железные плуги, для местных жителей они остались всего лишь любопытными объектами, на которые они смотрели издали, и все крестьяне продолжали пользоваться старыми деревянными инструментами.⁴⁸ Точно так же боснийцам и герцеговинцам не нужны были гостиницы и курорты.⁴⁹ Ими пользовались только иностранные туристы.

Для путевых записок характерно описание боснийцев с обязательным употреблением определений „ленивый“ и „непешный“, причем без различия веры. Безмятежность и спокойно-медлительный уклад жизни были свойственны жителям Боснии и Герцеговины. Про мусульманина русский путешественник П.А. Ровинский в 1878 году писал, что на работе магометанин-торговец, „просидев в

---

44 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 112–114.

45 Ibid, 89.

46 Ibid, 91.

47 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 70.

48 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 215.

49 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 103.

своей лавке целый день, с невозмутимым спокойствием принимал посещающего его покупателя и провожал глазами проходящих мимо; он не предавался никакой тревожной работе“, а отдыхает он, „предаваясь тайному забвению остального мира с его суетой, грязью и гнилой атмосферой.“⁵⁰ Такую же картину наблюдал и А.Н. Харузин после двадцатипятилетнего австро-венгерского управления: так же лениво беседовали боснийцы с трубкой, за кофе и за сливовицей.⁵¹

Путешественники отмечали, что население Боснии и Герцеговины стремилось сохранять уже существующие устои. Харузин эту черту назвал „национальной стойкостью“,⁵² Капу – „неофобией“, боязнью нового.⁵³ Жители с большим трудом принимали новое, однако русский этнограф писал: „изменившись раз, страна на этом стояла, готовая жертвовать даже жизнью.“⁵⁴ Возможно, такое свойство характера близко к термину *Eigensinn* („своеволие, своеобразие“), введенным А. Людтке для обозначения отстаивания своего и сопротивления власти. Православные и мусульмане стремились сохранить свою самобытность, противостоять сильному европейскому культурному влиянию.⁵⁵ В консервативный мир боснийцев и герцеговинцев вторглись энергичные и активные чиновники Австро-Венгрии. Они способствовали ускорению внедрения капиталистических отношений и благ европейской цивилизации в этих провинциях. Своеобразным протестом против проникновения в жизнь боснийско-герцеговинского населения черт западной цивилизации было движение за религиозно-школьную автономию.

В своей книге Гийому Капу удалось в большей степени продемонстрировать положительные черты модернизационной политики на новых территориях – Боснии и Герцеговине, а Алексею Николаевичу Харузину – указать на проблемы, с которыми империя

50 Ровинский П. А., „Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.“, *Журнал Министерства народного просвещения*, март 1880, 28, 30.

51 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 14-15.

52 *Ibid*, 195.

53 Capus G., *A Travers la Bosnie et l'Herzégovine*, 22.

54 Харузин А. Н., *Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии*, 195.

55 В таком же ключе использует термин *Eigensinn* Е.В. Акельев касательно петровских реформ. См.: Akelev E., „The Barber of All Russia. Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms“, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2/2016, 241-275.

сталкивается на окраинах, и особенно подчеркнуть угнетение и подавление сербов. По путевым заметкам Капу можно проследить преобразования в экономической, культурной, социальной и т.д. сферах. Работа же Харузина показывает: то, что писал Андрей Леонидович в своих статьях о реформах напредняков в Сербии, справедливо и для Боснии – ускоренная модернизация без учета особенностей традиционного общества приводит к осложнениям, а чисто механический рост показателей еще не значит успехи модернизации.